

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Романовы и сепаратный мир.

1.

К стр. 10. Есть указание, что Австрия, независимо от Германии, возбудила вопрос о сепаратном мире с Россией еще и ранее того совместного австро-германского плана, попытка выполнения которого была сделана через Васильчикову. По крайней мере, 4 января 1915 года (н. ст.) греческий посланник в Петербурге Драгумис телеграфно сообщал председателю совета министров Венизелосу следующее:

«Я узнал, что председатель совета министров (Горемыкин) ездил вставку, где находился и император. Сербский посланник сообщает, что, по сведениям из главного штаба, целью свидания (Горемыкина и Николая) было обсуждение вопроса об отдельном мире с Австрией. Условия русского правительства следующие: Россия получает Галицию, Сербия—Боснию, Богемия становится автономной. С другой стороны, мне сообщают, что Германия и Австрия, чтобы спасти прежде всего свои собственные территории, склонны признать за Россией право на проливы. Сербский посланник получил приказание ходатайствовать перед русским правительством о движении русских войск в Венгрию».

К этому надо прибавить, что Сазонов, еще более чем за две недели до этого (19 декабря н. ст. 1914 г.), сообщал о том же вопросе в следующей телеграмме к послу в Париже Извольскому:

«Сюда также доходят слухи о возможной попытке Австрии заключить отдельный мир, но пока эти слухи еще весьма неопределенны, и их подтверждение представляется гадательным. Во всяком случае, почин подобных переговоров должен принадлежать Австрии, и нам необходимо будет выслушать ее предложения, прежде чем установить наши условия» (см. М. Н. Покровский, «Царская Россия и война». М. 1924 г. Госиздат, стр. 32—34).

Однако, никаких других данных, подтверждающих это известие, не имеется.

В связи с этим можно, впрочем, отметить, что к декабрю 1914 г. относится категорическое заявление о мире, который Австрия предлагала Сербии: об этом телеграфировал Сазонову (16 декабря н. ст.) русский посол в Лондоне, Бенкендорф, «как о вещи общеизвестной» (там же, стр. 31).

К стр. 16 — 18. Приводим подлинный французский текст беседы Васильчиковой с фон-Яговым из ее третьего письма.

«Tous ici sont d'accord que la paix entre l'Allemagne et la Russie est une question vitale pour les deux pays qu'unissent tant d'intérêts commerciaux et en réalité aucune divergences politiques ne séparent. Certes, l'Autriche devrait y être comprise, car l'Allemagne ne peut et ne veut lâcher l'Autriche, qui en tout cas sortira de cette guerre affaiblie. Il faut faire cesser le carnage justement maintenant où, malgré les grandes pertes de part et d'autre, pas un des pays qui est en guerre n'est battu. La Russie gagnerait beaucoup plus si elle faisait une bonne paix avec l'Allemagne même dans la question des Dardanelles, que l'Allemagne admet est une question de première importance pour la Russie. On est convaincu ici, que l'Angleterre voudra et insistera à avoir les coudées libres dans la Mer Noire, autrement dit, qu'elle voudra y dominer, car elle se dit être «la Maîtresse de la Mer».

«Ce serait un grand danger si un jour la Russie avait une guerre avec l'Angleterre. On m'a fait observer que l'Angleterre n'a jamais été la vraie amie de ses alliés, — elle aime qu'on lui tire les marrons du feu. L'Angleterre vise à obtenir l'influence dominante à Constantinople et malgré toutes ses promesses elle ne permettra jamais à la Russie de prendre cette ville ou de la garder si la Russie l'occupe.

«En Allemagne on a besoin d'une Russie forte et monarchique et les deux Maisons Voisines et Regnantes doivent soutenir les vieilles traditions monarchiques et amicales. La prolongation de la guerre est considérée comme un danger pour la Dynastie. On conçoit parfaitement que la Russie ne veut pas abandonner la France, mais là encore l'Allemagne comprend le point d'honneur russe et ne fera aucune difficulté à un arrangement équitable.

«Ici on ne songe pas à créer un nouveau royaume de Pologne, qui serait une source de discordes et outre cela finira bien vite par être suffoquée, n'ayant pas de libre issue à la mer, car ni la Russie, ni l'Allemagne ne songeront à sacrifier pour la Pologne un de ses ports sur la Mer du Nord.

«On comprend aussi que pour la sécurité de l'Europe contre la race jaune il faut une Russie puissante. Du reste, le testament de Bismarck était de laisser la politique de la Russie libre en Asie.

«La guerre avec l'Italie n'effraye personne. Depuis l'automne tout le sud du Tyrol est rempli de troupes autrichiennes et les Allemands depuis quelque temps y ont également envoyé des forces. La guerre d'après des sources certaines est faite avec l'argent anglais et les meneurs politiques, franc-maçons, radicaux et tutti quanti dont le vrai but est de renverser les trônes, ont recueilli quelques millions de livres. Du reste, on croit savoir ici que Votre Majesté a été contre que l'Italie se mêlât à cette guerre. Et de la manière la plus positive on m'a répété maintes fois qu'il n'y a aucune haine dans le pays contre la Russie.

«On m'a aussi parlé du mauvais traitement des prisonniers allemands civils en Russie et on m'a raconté que Votre Majesté l'ayant appris a daigné écrire de Sa Main propre d'améliorer le traitement, et qu'au Ministère de

la guerre on avait ajouté «seulement avec ceux de provenance slave». A Pétrograd les civils ne se plaignent pas autant, mais un secrétaire de l'Ambassade d'Amérique a écrit ici que le traitement en province «is a scandal», plus encore pour les prisonniers civils que militaires. On est aussi fort impressionné du sort du Consul Allemand à Kowno Baron Lerchenfeld, qui depuis neuf mois se trouve à la forteresse Petro-Pavlovsk, étant accusé d'avoir eu chez lui des cartes éditées dans la topographie militaire. Une autre chose qu'on ne comprend pas ici est la condamnation à mort des deux officiers-aviateurs M. M. de Knobelsdorf et de Bubille, changée par la grâce de Votre Majesté à une condamnation aux travaux forcés. Ils auraient jété des proclamations, simple truc de guerre dont on se sert, paraît-il, dans toutes les armées.

En général de toutes ces conversations il est clair de comprendre que l'Angleterre n'est pas une vraie amie à la Russie et cela n'étonnerait pas l'Allemagne si en quelques années elle propose ses forces à l'Allemagne contre la Russie, — mais l'Allemagne veut la paix durable avec la Russie».

Приводим здесь также ту часть третьего письма Васильчиковой, которая была нами опущена в основном тексте (стр. 18), как не имеющая политического значения (после слов: «сколько вообще находится русских пленных в Австрии, мне неизвестно»).

«Чтобы я могла видеть и судить, как содержатся здесь русские военнопленные, мне прислали военный автомобиль с молодым адъютантом von Pritvitz и, как огромное изъятие (женщины не допускаются в военные лагеря, где находятся военнопленные), позволено было показать мне весь лагерь в Döberitz около Берлина и свободно говорить с кем хочу из пленных. Конечно, очень грустно было видеть наших солдат в плену, но, слава богу, у них вид бодрый, здоровый, и, казалось, рады были, что могли со мной говорить. Почти все говорят: «грех сказать, чтобы нас обижали, только страсть скука, так и тянет на родину, куда жизнь дома лучше,—а что слышать, скоро мир?». — Конечно, ваше величество, говорила с ними о вас и смела сказать, что напишу вам, что их видела,—у всех глаза засверкали, лица оживились, и один фельдфебель просил сказать: «Земной поклон нашему царю, мы все у его ног».

«В Döberitz около 5 000 пленных, живут они более чем в 40 бараках везде очень чисто, везде канализация и воздух чистый. Наши солдаты — столяры, сапожники, портные — занимаются своим мастерством в светлых мастерских. Повара готовили ужин в больших кухнях. Хлеб хороший, напоминает наш черный. Я спросила, что бы они желали иметь? Все просят русские книги для чтения, учебники русско-немецкие, некоторые — молитвенники, евангелия, святцы, тоже польские книги. Может-быть, ее величество соизволит приказать послать книги в Döberitz (bei Berlin). Вообще наши солдаты жалуются, что так мало получают из России, и начальник лагеря Oberst Lieutenant Alberti мне это подтвердил и удивлялся, что, в сравнении с англичанами, русские почти ничего не получают; я сама видела в отделении для посылок более половины большой комнаты заставлено английскими посылками, а русских лежали только несколько на полке. Alberti мне сказал, что часто означенное на посылках (русских) не находится там, или же иногда съестные припасы до того испорчены, что ради гигиены приходится их уничтожать.

«Все лагеря для пленных построены как лагерь в Döberitz. В настоящее время в Döberitz 2 000 человек русских, остальные находятся на полевых работах у помещиков, артелями по 30 — 50 человек. Им положена ежедневная плата, которую они получают на руки по заключении мира. Каждые 15 дней приезжает в лагери русский священник. В Döberitz, кроме врачей, нет офицеров. Я говорила с одним доктором, который сказал, что больных очень мало, есть некоторые с больными глазами, но и те все выбежали, даже добрый хохол, у которого горло болело, посмотреть на свою землячку».

(Далее напечатанный текст: «Мой племянник Милорадович»... и проч.)

Это письмо было вложено в конверт со следующим адресом:

«A Sa Majesté l'Empereur de Russie en mains propres. — Его Величеству Государю Императору в собственные руки. От М. Васильчиковой».

Письмо было запечатано печатью с гербом Васильчиковой.

Подлинники писем Васильчиковой, так же как и другие документы, использованные в нашей книге, хранятся в Архиве Октябрьской Революции СССР.

3.

К стр. 21. По вопросу о связи германских предложений о сепаратном мире с «уступкой» царской России Константинополя и проливов (об этом см. также у М. Н. Покровского «Царская Россия и война» стр. 41—42) весьма ценные документальные данные приводятся в вышедшем во время печатания настоящей книги издании Н. К. И. Д. «Константинополь и проливы». Во вступительной статье Е. А. Адамова здесь приводится следующая выдержка из английской официальной «History of the Great War, Naval operations», by J. S. Gorbett.

«Отчасти в результате своего преждевременного усилия обеспечить давление (германской армии) на Францию Россия жестоко бедствовала во всех отношениях, — так жестоко, что Германия, как это было известно нашему Foreign Office (подчеркнуто нами В. С.) уже выработала соблазнительный план привлечения России к сепаратному миру и отречению от своих союзников. Поэтому ничто не было столь своевременно, как отказ от нашей прежней (до 1903 г.) обструкционистской политики (в отношении проливов). По этим соображениям, с полного согласия лидеров оппозиции, было решено предоставить России контроль (над проливами), которого она так долго жаждала». («Константинополь и проливы», стр. 118.)

Повидимому, Васильчиковой и было поручено предпринять первые шаги к осуществлению того германского плана, о котором говорится в этом английском сообщении.

Напомним, что согласие на «уступку» проливов было передано Бюкеноном Сазонову 12 марта н. ст. 1915 г., согласие же на это французского правительства было сообщено Палеологом Сазонову лишь 10 апреля; что касается писем Васильчиковой, то первое из них, как мы видели, датировано 10 марта н. ст. (т. е. за два дня до английского «согласия») второе — 30 марта, третье — 27 мая; при этом надо заметить,

что в течение этого промежутка времени, именно 30 апреля н. ст. (17-го по ст. ст.), А. Ф. Романова сообщала мужу и о получении по тому же поводу письма от своего брата герцога гессенского (см. здесь, стр. 24). Почти несомненно, что, при соответствующей организации «агентуры», англичане должны были знать об этих сношениях.

Весьма любопытно также отметить, что и германцы хорошо учитывали связь возбужденного ими вопроса о сепаратном мире с вопросом о переговорах насчет Константинополя. Это видно из следующего.

Во втором письме своем, от 30 марта н. ст., Васильчикова, между прочим, говорит:

«Меня просят довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар»... (здесь, стр. 14).

Ясно из этой фразы, что германцы знали уже об обещаниях Англии и хотели этим указанием «из секретнейшего источника» подорвать доверие к ней Романовых. Кроме этого мы хотим обратить внимание на тот факт, что это письмо Васильчиковой было писано 30 марта, а в тот же самый день великобританский статс-секретарь по иностранным делам Э. Грэй давал послу в Петрограде Д. Бьюкенену следующую шифрованную телеграмму:

«Из Стокгольма № 69. — Я узнал от одного коллеги, который только что видел хорошо известного... (в подлиннике пропуск одного слова. В. С.), весьма близкого к германским посланником (т.-е. с фон-Людиусом. В. С.), что последний распространяет в печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе. Цель соглашения помешать переходу Константинополя во владение России. Цель таких слухов очевидна, и хорошо было бы получить опровержение для здешней печати».

В связи с распространением таких слухов, товарищ министра иностранных дел Нератов телеграфировал 31 марта русскому посланнику в Стокгольме Неклюдову (с сообщением того же в Париж и Лондон):

«Благоволите опровергнуть известие из Берлина, напечатанное в «Svenska Dagblad», в статье «Франко-английское соглашение против России», об обсуждении министром в ставке отношения России к заключенному будто бы между Англией и Францией соглашению о Константинополе, долженствующему достаться Англии. Не только вопрос этот никогда не обсуждался, но и возникновение его не могло иметь места в виду тесной близости, существующей между тремя союзниками, исключаящей всякую возможность сепаратных соглашений. Союзники сплочены в борьбе с общим врагом, старающимся напрасно внести между ними разнь путем сообщения такого рода заведомо неверных сведений». (Эти и два другие документа по тому же вопросу напечатаны в издании «Константинополь и проливы», стр. 289 — 290, 294.)

Совпадение, день-в-день, указания Васильчиковой на желание Англии оставить себе Константинополь с подобными же слухами, распространявшимися в Стокгольме фон-Людиусом, лишний раз показывает взаимную связь двух вопросов — вопроса о сепаратном мире и вопроса об «уступке» союзниками Константинополя (согласие на которую, кстати сказать, действительно тормозилось в эти дни французским правительством).

К стр. 37—44. В цитированном выше издании «Константинополь и проливы» напечатано шесть документов относительно переговоров Протопопова с Варбургом (стр. 405—411); в число этих документов входят: две телеграммы об этом английского посла Бьюкенена Грэю, телеграмма итальянского посла Карлотти министру иностранных дел Соннино, телеграмма временно-управляющего министерством иностранных дел Нератова посланнику в Стокгольме Неклюдову, телеграмма последнего Нератову и письмо министру иностранных дел Покровскому, а также телеграмма Протопопова Неклюдову.

Сообщенные нами на стр. 37—44 данные вскрывают обстоятельства этой истории значительно подробнее. Можно, на основании опубликованных в указанном издании документов, прибавить только некоторые мелкие штрихи.

Так, по сведениям, сообщенным самим Протопоповым Бьюкенену (см. телеграмму последнего от 28 июня 1916 г.), свидание предполагалось устроить в Шведском банке: «германский посланник в Стокгольме попросил его (Протопопова) зайти в Шведский банк для беседы. Протопопов тогда ответил, что он встретится с посланником при условии, если последний попросит его об этом в письменной форме. Германский посланник заболел, но банк устроил ему (Протопопову) свидание с г. Варбургом, назначенным советником при германской миссии» («Константинополь и проливы», стр. 405).

По сведениям итальянского посла Карлотти (телеграмма от 13 декабря) во время «свидания» был затронут вопрос о Дарданеллах, при чем Варбург заявил: «если Россия потребует свободы плавания в Дарданеллах, то этот пункт не помешает заключению мира, так как, несомненно, можно будет найти *modus vivendi*» (там же, стр. 409).

Отметим также, что, как видно из официальных сообщений русского посланника в Стокгольме Неклюдова, он, действительно, никакой просьбы относительно того, чтобы Протопопов побеседовал с Варбургом, не высказывал (это и указано у нас на стр. 42). В связи с этим в телеграмме к временно-управляющему министерством иностранных дел Нератову, от 30 ноября (13 декабря) 1916 г., Неклюдов писал: «Если, после вышеупомянутого ложного утверждения, г. Протопопов сохранит какое-либо официальное положение, я обязан представить и представляю в отставку» (там же, стр. 408).

Пользуемся случаем здесь отметить, что вышедшие недавно в Лондоне мемуары упоминаемого здесь Неклюдова нами не могли быть использованы.

К стр. 47. Отрицательное отношение Распутина к перспективам войны не раз высказывалось им до войны в «интервью» с сотрудниками разных, преимущественно бульварных, газет. Теперь, когда мы из «Переписки Н. и А. Романовых» и разных других данных знаем действительное

отношение Распутина к войне, представляют некоторый интерес и эти газетные статьи 1913 — 14 гг., так как из них видно, что взгляд Распутина как тогда, так и во время войны оставался, в общем, неизменен.

Приводим выдержку из одного такого «интервью», относящегося к октябрю 1913 г., — здесь Распутин высказывает свой взгляд на балканскую войну.

«Ведь вот, родной, — говорил Распутин, — ты то, к примеру сказать, пойми!.. Была война там, на Балканах этих. Ну, и стали тут писатели в газетах, значит, кричать: быть войне, быть войне!.. И нам, значит, воевать надо... И призывали к войне, и разжигали огонь. Да... А вот я спросил бы их, — с особенной экспрессией подчеркнул Г. Е., — спросил бы писателей:

— Господа! Ну, для чего вы это делаете? Ну, нешто это хорошо?... Надо укрощать страсти, будь то раздор какой, аль целая война, а не разжигать злобу и вражду. И вот, конечно, тому и тем, кто совершил так, что мы, русские, войны избегли, тому, кто доспел в этом, надо памятник поставить, истинный памятник, говорю... И политику мирную, против войны, надо счесть высокой и мудрой. Что нам показали наши «братушки», о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да... А что касемо разных там союзов, то, ведь, союзы хороши, пока войны нет, а коль разгорелось бы, где бы они были?... Еще неведомо...» («Петербург. Газета», 1913 г., № 281, от 13 октября.)

Добавим к этому, что, по имеющимся известиям, именно сам Распутин, говоря его языком, «доспел» в том, что Николай II удержался от желания ввязаться в балканскую войну (см. здесь, стр. 47).

Вполне согласно с приведенными выше взглядами Распутина стоит и мнение его, высказанное в «беседе» с неким Д. Разумовским, изложенной в националистическом еженедельнике «Дым Отечества» и, видимо, довольно точно излагающей взгляды Распутина.

В связи с вопросом о крестьянстве, собеседник Распутина заметил, что «крестьянство наше вообще не умеет пользоваться полезным, а русские вообще не могут обойтись без иностранцев» и «езде оттерты и поставлены на задний план».

«Беды в этом большой нет, — ответил на это Распутин. — Разве в этом их (русских) сила? Все равно от них (русских) ничего не останется. Как-нибудь потом вспомнят, что были, а их уже и не будет. А что иностранцы идут к нам — это хорошо, потому что русский народ хороший — дух в нем выше всего. Самый плохой человек у нас, а лучше духом, чем иностранец. У них машина. Вот они чувствуют это и сами идут к нам за духом. Одной машиной не проживешь... Кажется, все хорошо кругом, а в самом человеке у них ничего. Вот это главное».

В дальнейшем автор статьи перевел беседу на вопрос о том, что «защитить от притеснений угнетаемые Турцией народы давно (бы) следовало, так как это было бы лучшим проявлением человеческого духа».

«А бог, ты думаешь, — говорил Распутин, — не видит это и не знает? А, может-быть, славяне не правы, а, может-быть, им дано испытание? Я ездил в Иерусалим, бывал в Старом Афоне — великий грех там от греков, и живут они неправильно, не по-монашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они — ожесточенная

нация, ошестинилась у них сердце; турки — куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот видишь как, а когда смотришь в газету — выходит по иному. А я тебе говорю сухую правду».

После этого беседа перешла непосредственно к вопросу о будущей войне.

«Готовятся к войне христиане, — говорил Распутин, — проповедуют ее, мучаются сами и всех мучают. Нехорошее дело война, а христиане, вместо покорности, прямо к ней идут. Положим, ее не будет, — у нас, по крайней мере. Нельзя. Но вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Ну, что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь. Пусть забирают друг друга немцы, турки — это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя поскорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем».

Эти взгляды Распутина, которым, несмотря на всю их примитивность, нельзя отказать в известном благоразумии, подверглись тогда же осмеянию в «Новом Времени», в статье А. Столыпина («Новое Время». 1913 г., № 13266).

6.

К стр. 56. В издании «Константинополь и проливы», кроме уже сообщенных здесь, в приложениях, различных данных, приводятся весьма ценные для нас сведения по вопросу об опубликовании соглашения об «уступке» союзниками России Константинополя: на отношении к этому вопросу Николая II (так же как и на отмене издания акта о польской автономии), несомненно, вполне ясно выявляется стремление к обеспечению более легкой возможности сепаратного мира.

Самый вопрос об опубликовании соглашения о Константинополе, как видно из документов, печатаемых в выходящей под нашей редакцией книге «Монархия перед крушением», непосредственно был выдвинут на очередь другим, только-что упомянутым вопросом — об издании акта о польской автономии. Штюмер, на докладе по этому вопросу Николаю II 21 августа 1916 г., высказывался против опубликования этого акта, находя более желательным сделать это после предполагавшегося вступления русских войск в пределы Польши; но Штюмер, вместе с тем, допускал и другую постановку вопроса: если этот акт (о Польше) опубликовывать теперь, то, — по его мнению, — было бы желательно, чтобы этому «предшествовал другой государственный акт, относящийся ко всей державе российской». Таким актом Штюмер считал опубликование соглашения об уступке России Константинополя и проливов, относительно чего Штюмер, — по его словам, — уже «имел случай обменяться мнениями с послами великобританским и французским, которые не встречают к сему препятствий» («Монархия перед крушением»).

Несомненно, в связи с этим Николай II в своем письме к английскому королю Георгу, написанном через восемь дней после этого, 29 августа (в ответ на письмо Георга с подтверждением неизбежности этой «уступки»), возбуждал вопрос о желательности опубликовать сообщение о том, что

«Англия и Франция считают обладание России Константинополем неизменным условием мира».

Дальнейший ход дела особенно интересен. Грэй согласился с возбужденным вопросом, но просил (3 сентября) небольшой отсрочки. Сообщая об этом Бенкендорфу (русскому послу в Лондоне), Штюмер (5 сентября) говорил о «чрезвычайном желании дать русскому общественному мнению удовлетворение», но предлагал, тем не менее, Бенкендорфу говорить с Греем по этому поводу только в том случае, если Грэй сам поднимет этот вопрос. Когда же Грэй, действительно, заговорил об этом с Бенкендорфом, сообщив, что у него готово уже предисловие к этим документам, и все дело только остается лишь за Францией, то Штюмер, в ответ на сообщение об этом Бенкендорфа, забил отбой. Это видно из следующей телеграммы Штюмера послу в Лондоне, от 30 сентября 1916 г.:

«При переговорах с лордом Греем по поводу опубликования соглашения о Константинополе и проливах, благоволите иметь в виду, что, поднимая этот вопрос, я отнюдь не настаиваю на немедленном назначении срока опубликования. Понятно, что для устранения всех встречающихся на этом пути препятствий потребуется некоторое время...».

Грэй же, однако, не хотел медлить и вел переписку с французским правительством относительно предисловия к документам. На телеграмме Бенкендорфа, от 5 октября, где сообщалось об этих стараниях Грея, Николай II сделал следующую весьма характерную отметку: «Не нужно торопиться» (Ц. Ставка, 12 октября 1916 г.). (См. «Константинополь и проливы», статья Е. А. Адамова, стр. 132 — 134, и документы, стр. 412 — 448.)

Мы не будем следить за дальнейшей историей этого дела, которое, в конце концов, кончилось тем, что, сменивший Штюмера, Трепов объявил в Госуд. Думе 19 ноября 1916 г. о состоявшемся соглашении.

Во всем изложенном нас более всего интересует именно то, что Николай и Штюмер старались затормозить опубликование соглашения о Константинополе. На стр. 60 настоящей книги мы высказывали предположение, что если Романовыми велись переговоры о сепаратном мире, то хронологически они «должны относиться к промежутку времени между 16 сентября (назначение Протопопова) и, вероятно, 22 октября (германский акт о Польше)». Задержка Николаем именно в этот промежуток времени опубликования такого важнейшего для русских империалистов акта, как соглашение о Константинополе, может подтверждать наши соображения и, во всяком случае, лишний раз свидетельствует, что Романовы, действительно, готовились в это время к сепаратному миру.

К стр. 55. Мы упустили необходимость упомянуть про то «русско-японское сближение», на которое ссылается здесь Тирпиц. Он, очевидно, имеет, прежде всего, в виду заключенное Россией и Японией 20 июня — 3 июля 1916 г. тайное соглашение относительно «охранения Китая» от политического господства «какой-либо третьей державы»; согласно этому договору, в случае чьего-либо посягательства на Китай, Россия и Япония обязались к совместному вооруженному выступлению. Договор этот был направлен, по существу, не только против Америки, но и против союзной

дарской России Англии: двуличие царской политики, столь характерное для буржуазной дипломатии вообще, на этом факте выразилось весьма наглядно.

Поворотный этап царской политики.

К стр. 94 — 95. В связи с напечатанной здесь прокламацией, приводим текст приказа относительно ее в. к. Николая Николаевича.

«Приказ верховного главнокомандующего. 7 января 1915 г., № 13.

«Наши противники за последнее время стали прибегать к различного рода прокламациям и обращениям к войскам и населению района военных действий, призывающим к прекращению борьбы и к миру.

«Австрийцы перешли в этом отношении всякие пределы наглости, гнусности и высшей преступности. Из австрийской армии нарочно назначенные нижние чины разбрасывают среди наших войск прокламации, в которых обнаглевшие враги держат обращать якобы от имени священной особы государя императора и как бы за его подписью к вам, доблестные сыны святой Руси.

«Всякий верноподданный знает, что в России все беспрекословно повинуются, от верховного главнокомандующего до каждого солдата, единой священной и державной воле помазанника божия, нашего горячо обожаемого государя императора, который един властен вести и прекратить войну.

«Наш враг, не рассчитывая более на силу своего оружия и на успех на поле брани, задумал гнуснейший подлог, совершая тем самым преступное дело.

«Знайте, русские чудо-богатыри, что только полное нравственное разложение и окончательное сознание невозможности дольше бороться в честном бою оружием могли побудить врагов наших на такое неслыханное низкое преступление.

«Твердо верю, что, с божьей помощью, наша победоносная армия, своими подвигами в предстоящих боях, сумеет дать должный ответ недостойному противнику.

«Повелеваю всех лиц, захваченных с подобными прокламациями, передавать немедленно полевому суду, для суждения со всей строгостью законов военного времени, как государственных преступников».

Генерал-адъютант Николай».

Этот приказ (печатный), вместе с копией приведенной в тексте прокламации, был представлен штабом верховного главнокомандующего в военно-походную канцелярию Николая II, а оттуда — последнему.

О прокламации этой упоминает, между прочим, Палеолог, в качестве свидетельства того, что «мирная пропаганда, которую Германия так деятельно ведет в Петрограде, свирепствует также в армиях и на фронте». («Царская Россия во время мировой войны», стр. 192.)

Банки и Распутин.

К стр. 142 — 143. Для характеристики той промышленно-банковской среды, которая руководила политикой Распутина-Протопопова, представляет некоторый интерес история организации протопоповской газеты «Русская Воля».

Инициатива издания этой газеты принадлежит съезду представителей металлообрабатывающей промышленности, состоявшемуся в конце февраля 1916 г. — это прямо видно из показаний самого Протопопова в Следственной комиссии («Падение царского режима», том I, стр. 145); это же ясно было и из газетных сообщений того времени. Так, в газете «Речь», в номере от 26 апреля 1916 г., была помещена такая заметка:

«В кругах, близких к крупным капиталистическим организациям, много говорят о проектируемых крупных газетных предприятиях. Все эти разговоры связываются с недавно организовавшимся советом съездов металлургической промышленности. Организация эта, объединяющая все крупные металлургические и металлические заведения, располагает громадными средствами и, как передают, признала необходимым основать крупный политико-общественный орган». (Эта заметка приводится также М. П. Павловичем в его работе «Империализм» — «Собрание сочинений», т. I, стр. 174; здесь, однако, не указано, что приводимые сведения относятся к «Русской Воле».)

Однако, дело это некоторое время не двигалось в ход; только тогда, когда Протопопов, имевший самое близкое отношение к этому делу, вернулся, после «стокгольмской беседы», из-за границы, организация газеты быстро пошла вперед. В деле этом приняли участие банки, при чем для этой цели было организовано акционерное общество «Печать» с капиталом в пять миллионов рублей.

М. П. Павлович, приводя газетные сообщения об организованной «советом съездов металлургической промышленности» газете, делает, в связи с этим, такое замечание:

«За несколько месяцев до этого, а именно в сентябре 1915 г., газета «Форвертс» сообщала, что главное правление германского металлургического треста в Эссене, представляющее интересы всей металлургической индустрии Вестфалии и Рейна, создало анонимное общество для распределения хорошо оплачиваемых объявлений по разным газетам и для снабжения этих газет статьями и корреспонденциями, редактируемыми в «Литературном бюро» данного анонимного общества. Это анонимное общество поставило своей задачей защищать в прессе ту аннексионистскую программу, которую выдвинули в пресловутой петиции Бетман - Гольвегу шесть крупнейших аграрно-металлургических организаций Германской империи». (М. Павлович, «Собрание сочинений», т. I, стр. 174.)

Таким образом, этим указанием М. П. Павлович намекает на возможность зависимости «Русской Воли» от подобной германской литературно - металлургической организации. Надо, в связи с этим, заметить, что «Русская Воля» стояла на крайней империалистской позиции, — однако, такая позиция могла быть выгодна и для германских империалистов (ср. М. Павлович, «Собрание сочинений», т. V, стр. 30). Вообще же надо иметь в виду, что по направлению этой газеты нельзя судить о первоначальных намерениях ее организаторов, так как, вследствие поднятого вокруг этой газеты шума, часть ее организаторов (Протопопов, Колышко и др.) от нее позднее отклонилась.

Что касается участия в этой газете банков, то некоторые фактические данные об этом были приведены в Гос. Думе 19 ноября 1916 г. Пуришкевичем. Несмотря на то, что черносотенный депутат смотрел на этот вопрос со своей специфической точки зрения, сделанные им сооб-

щения представляются нам заслуживающими доверия, так как, в главном, могут быть подтверждены и другими данными.

По словам Пуришкевича, 15 июля 1916 г. Протопопов собрал совещание представителей банков относительно издания газеты. В совещании приняли участие представители следующих банков: Сибирского (представитель Грубе), Русского для Внешней торговли (Давыдов), Азовско-Донского (Каменка), Международного (Шайкевич, Вышнеградский), Волжско-Камского (Виндельбанд). В результате совещания, решено было субсидировать газету и выдать на нее 5 000 000 р., при чем в соглашение вошло уже десять банков. Эти десять банков: Азовско-Донской, Коммерческий, Петроградский, Международный, Петроградский Учетно-Ссудный, Петроградский Частный, Русский для Внешней торговли, Русско-Азиатский, Русский Торгово-Промышленный и Сибирский. Но когда, по словам Пуришкевича, банки «поняли в чем дело и разобрались», семь из десяти от соглашения отказались. «Все русские банки,—по словам Пуришкевича,—те банки, где было больше всего русских денег, все ушли, и остались Международный банк, Азовско-Донской банк и Русский для Внешней Торговли банк». «Это,—говорил Пуришкевич,—три главных банка, которые работают в России на немецкие капиталы». («Стеногр. Отчет Гос. Думы», заседание 19 ноября 1916 г., стр. 281—282.)

Когда, после назначения Протопопова министром, в Госуд. Думе были сделаны эти и другие разоблачения относительно участия в «Русской Воле» банков, Протопопов печатно протестовал против этого, указывая, что деньги отпустили не банки, а различные промышленные предприятия; при этом Протопопов даже представил их перечень. Приводим этот перечень (из «Речи», № 328, от 28 ноября 1916 г.), так как он ясно характеризует ту среду, которая выдвинула Протопопова.

1. Об-во Коломенского машиностроительного завода.
2. Об-во железокотельного, сталелитейного и механических заводов «Сормово».
3. Об-во русского судостроительного завода.
4. Об-во машиностроительного завода Гартмана.
5. Об-во Кулотинской джутовой мануфактуры.
6. Никополь-Мариупольское горное и металлургическое общество.
7. Об-во Тульских меднопрокатных и патронных заводов.
8. Об-во Кузнецких каменноугольных копей.
9. Южно-Русское об-во внутренней и экспортной торговли продуктами горной промышленности «Юровата».
10. Об-во Белорецких заводов.
11. Петроградское об-во товарных складов.
12. Русское паровозо-строительное и механическое об-во.
13. Об-во «Океан».
14. Об-во Николаевских заводов и верфей.
15. Восточное об-во товарных складов страхования и транспортирования товаров.
16. Пароходное об-во «Кавказ и Меркурий».
17. Акционерное об-во франко-русских заводов.
18. Горско-Ивановское об-во.
19. Об-во «Бахмутская соль».
20. Российское транспортное и страховое об-во.

21. Товарищество Петроградского вагоностроительного завода.
22. Т-во нефтяного производства бр. «Нобель».
23. Об-во русских трубопрокатных заводов бывш. «Шодуар».
24. Об-во Петроградского меднопрокатного завода.
25. Об-во Брянского рельсопрокатного железодельного и механического завода.
26. Русское акционерное об-во соединенных механических заводов.
27. Т-во машиностроительного завода «Феникс».
28. Акционерное об-во машиностроительного завода «Я. М. Айваз».
29. Акционерное об-во северных заводов насл. Н. П. Пастухова.
30. Акционерное об-во Комаровских железорудниковых месторождений Южно-Уральских горных заводов.
31. Акционерное об-во Невьянских горных заводов.
32. Акционерное об-во Яснских антрацитовых рудников.
33. Новосильцевское каменноугольное акционерное об-во.
34. Акционерное об-во Петроградских механических и литейных заводов.
35. Западно-русское об-во пароходства.
36. Петроградское отделение английского акционерного об-ва.
37. Союз сибирских кооперативных ассоциаций.
38. Электрическое акционерное об-во Донецкого бассейна.
39. Акционерное об-во Андреевских антрацитовых копей.
40. Акционерное об-во «Саломин».
41. Акционерное об-во маслوبيных и химических заводов «Саломас».
42. Акционерное об-во И. З. Персид.
43. Акционерное об-во Федоровских заводов.

Приведем, также по данным, собранным нами из разных номеров «Торгово-Промышленной Газеты», сведения о том, кому принадлежали акции некоторых из этих предприятий, отмечая, вместе с этим, по «Всему Петрограду» 1915 г., входивших в состав их правлений, банковских заправил.

Общество Коломенского машиностроительного завода. Представлено на годовое собрание акционеров 20 468 акций. Из них: «Бр. Дзамгаровы» — 3 950, Петр. Уч. и Сс. б. — 3 000, Междунар. б. — 3 000, Д. Б. Вургафт — 1 700, Банк. Дом М. Нелькен — 1 000, Рус. - Аз. б. — 1 000 и др. («Т. - П. Г.» 1916 г. 1 VI, V 118.) — Предс. правл. А. И. Вышнеградский (директ. Межд. б.); среди директоров — А. П. Мешерский (чл. сов. Межд. б.).

Общество железодельных, сталелитейных и механических заводов «Сормово». В 1915 г. 32 553 акц.¹ Из них: Петр. Уч. и Сс. б. — 8 000, Междун. б. — 2 000, Русск. для Внешн. торг. б. — 2 574, Д. К. Золин — 2 000, Петр. Торг. б. — 2 330, Н. Н. Клименко — 1 500, Бр. Дзамгаровы — 1 100, Ю. П. Рансенер (директор «Сормова») — 1 100, Д. С. Хрулев — 1 100, Азовско-Донской б. — 1 100, В. А. Романов — 1 100. («Т. - П. Г.» 1915 г., 8 V, № 103.) — Предс. правл. А. И. Вышнеградский, директор-распоряд. А. П. Мешерский.

Русское судостроительное акционерное общество. 95 293 акций. Из них: Петр. Междун. б. — 92 637 (т.е. почти все

¹ Здесь и далее эта цифра показывает количество акций, представленных на годовое общее собрание.

акции. В. С.) и, кроме того, 52 245 временн. свидетельств. В правлении, между прочим, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.) и Ф. Е. Шайкевич. («Т.-П. Г.» 1915 г., 12 XI, № 252.)

Русское общество машиностроительного завода Гартмана. 10 882 акц. Из них: Н. Н. Клименко—3 000, Д. М. Вургафт—2 500, Петр. Междун. б.—2 500, Д. К. Золин—1 200, Н. Е. Понафидин—600. («Т.-П. Г.» 1915 г., 7 XI, № 248.)—В правлении, между прочим, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.), В. Ф. Давыдов (чл. правл. Рус.-Аз. б.), П. Г. Шайкевич.

Никополь-мариупольское горное и металлургическое общество. 43 532 акц. Из них: Петр. Межд. б.—7 018, Н. Н. Клименко—4 900, Н. Г. Хрулев—4 000, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.)—3 600, Л. Ф. Грауман—3 600, Д. Б. Вургафт—3 550, Н. Е. Понафидин—3 500, Д. К. Золин—3 000, Русско-Аз. банк—3 000, Д. С. Хрулев—2 001, Ф. Ф. Безобразов—2 000, П. Г. Шайкевич—2 000 и др. («Т.-П. Г.» 1915 г., 27 XI, № 264.)—Предс. правл. М. Л. Балабанов (чл. сов. Русс. для внешн. торг. б.), члены правл. Д. Б. Вургафт, А. И. Вышнеградский (директ. Межд. б.), Н. Н. Клименко.

Общество Тульских меднопрокатных и патронных заводов. 9 133 акц. Из них: Петр. Межд. б.—2 000, Д. К. Золин—1 000, Н. Н. Клименко—1 000, Д. С. Хрулев—800, Е. Г. Шайкевич—500 и др. («Т.-П. Г.» 1916 г., 16 II, № 37.)—Предс. правл. Е. Г. Шайкевич (чл. правл. Межд. б.), директора: Д. Б. Вургафт, Н. Е. Понафидин, Г. А. Блох (чл. сов. Межд. б.), С. С. Хрулев (предс. пр. Межд. б.).

Общество Кузнецких каменноугольных копей. Петр. Межд. б.—33 305 акций: Русско-Аз. б.—8 831, *Regu générale des chemins de fer*—8 000, *Société générale*—8 000 и др. («Т.-П. Г.» 1914 г., 1 VI, № 124.)—В правлении, между проч., директора П. Г. Шайкевич, С. Б. Габриель (директор Петр. Межд. б.).

Петроградское общество товарных складов. 20,461 акц. Из них: Петр. Межд. б.—4 000, Н. Н. Клименко—3 500, Д. С. Хрулев—3 000, П. Г. Шайкевич—2 000, Н. И. Филатьев—1 818 и др. («Т.-П. Г.» 1916 г., 30 IV.)

Русское паровозостроительное и металлическое общество. 10 911 акций. Из них: Петр. Межд. б.—4 000, Н. Н. Клименко—2 000, М. В. Быханов—1 325, Д. Б. Вургафт—1 000, Д. С. Хрулев—800, Петр. Торг. б.—740. («Т.-П. Г.» 1915 г., 13 XII, № 278.)

Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров. 61 500 акций. Из них: Петр. Междун. б.—14 094, Русско-Азиатск. б.—10 000, Рус. Торг.-Пром. б.—7 307, П. П. фон-Дервиз—6 118, В. Н. фон-Дервиз—4 000, Русск. для Внешн. торг. б.—3 516. («Т.-П. Г.» 1915 г., 31 V, № 121.)—В числе директоров—П. Г. Шайкевич.

Общество пароходства по Волге и Каспийскому морю «Кавказ и Меркурий». В 1914 г.—13 157 акций. Из них: Петр. Межд. б.—8 194, Волжско-Камский б.—2 204, СПб. Отдел Московского б.—1 926. («Т.-П. Г.» 1914 г., 30 V, № 122.)

Российское транспортное и страховое общество. 37 509 акций. Из них: Русско-Азиатск. б.—9 911, И. П. Манус—4 295, Петр. Междун. б.—2 816, Русский Торгово-Пром. б.—2 649. («Т.-П. Г.» 1916 г., 1 VI, № 118.)—В правлении, между проч.: председатель—

И. П. Манус; члены — А. И. Путилов, Н. Ф. Бурдуков, Я. И. Савич (чл. правл. Междун. б.).

Товарищество Петроградского вагоностроительного завода. В 1915 г. — 9 905 паев.; из них: И. П. Манус — 2 126, Азовско-Донск. б. — 1 500, Русско-Азиатск. б. — 1 000, Грубе, Небо и К^о — 1 000, А. Ф. Рафалович — 948, А. И. Путилов — 800. («Т.-П. Г.» 1915 г., 25 VI, № 139.) — В числе директоров: В. И. Ковалевский (предс. сов. Русск. для Внешн. торг. б.), А. И. Путилов, И. П. Манус; среди кандидатов — И. И. Колышко.

Общество Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода. В 1915 г. — 76 067 акций. Из них: Петр. Межд. б. — 12 000, Петр. Уч. и Сс. — 5 335, Д. Б. Вургафт, — 6 000, Н. Н. Клименко — 4 000, Русско-Азиатск. б. — 4 130, Азовско-Донской б. — 3 000, Русск. для Внешн. торг. б. — 3 284, А. И. Путилов — 3 825, Петр. Торг. б. — 1 000, И. П. Манус — 2 262, М. Л. Бутри — 1 089, Н. А. Гордон — 1 750, Д. С. Хрулев — 1 748. («Т.-П. Г.» 1915 г., 28 VI, № 145.) — В правлении, между проч., предс. — Н. Н. Кокшаров (предс. сов. Петр. Торг. б.); среди членов совета — И. И. Колышко.

К стр. 160. В связи с приведенными в тексте фактами, указывающими на политическую роль в России германских трестов (см. также стр. 109 — 112), мы отметим вкратце, как была организована германская электрическая промышленность, одним из руководителей которой был и упоминаемый здесь Стинес, хозяйничавший в различных отраслях германской промышленности.

Впервые в России начала действовать германская фирма «Сименс и Гальске», открывшая в Петербурге свое отделение, которое в 1898 г. превратилось при помощи «Немецкого Банка» («Deutsche Bank») в акционерное общество под названием «Русские Электротехнические заводы Сименс-Гальске». Самым крупным его отделением являлось «С.-Петербургское Общество 1886 г.». В 1899 г. «Сименс и Гальске», совместно с другой крупнейшей германской фирмой «Всеобщая Компания Электричества» (во главе которой стоял известный Ратенау), учредила «Русский Электрический Синдикат», который, по определенному плану, и покрыл электрическими сооружениями всю страну.

Надо сказать, что в Германии, кроме отмеченных двух фирм, существовало еще крупное «Электрическое акционерное Общество б. Шуккерт и К^о», отделением которого явилось возникшее в 1899 г. «Русское Об-во Шуккерт и К^о». Но в 1903 г. в Германии «Об-во Шуккерт» влилось в сименсовский концерн, образовав фирму «Сименс-Шуккерт».

Таким образом, в России действовали, объединенные в синдикат, две мировых германских фирмы: «Всеобщая Компания Электричества» и «Сименс-Гальске» (вместе с Шуккертом). Этим синдикатом был организован в России ряд других предприятий: «Русские акционерные заводы Тюдор», «Акционерное общество соединенных кабельных заводов в Петербурге» и проч. Впоследствии, уже в 1920 г., в Германии вся фирма «Сименс-Шуккерт» влилась в концерн Стинеса, тогда как «Всеобщая Компания Электричества» сохранила свою самостоятельность. (См. П. Уферман и К. Хюглин. «Стинес и его концерны». Со вступит. статьей К. Радека. 1924 г., изд-ство «Экономическая Жизнь», стр. 74 и след.)

Связи германских электрических трестов с Россией были организованы не только через их русские филиалы, но также и через банки, в частности через Международный Коммерческий банк (см. здесь, стр. 149 — 150).

Помимо этого, как мы видели, Международный банк зависел от «Disconto Gesellschaft», а именно с этим последним была главнейшая связь у того же Стиннеса (Уферман, стр. 137).

Распутин и верховное командование.

К стр. 166. В вышедшем во время печатания настоящей книги IV томе «Переписки Н. и А. Романовых» в письмах Николая опять встречается много мест, где Николай сообщает жене наисекретнейшие военные сведения; при этом иногда Николай, как и ранее, напоминает ей о том, чтобы она никому этого не передавала.

Здесь, в связи с вопросом о советах Распутина относительно летнего наступления в Галиции 1916 г., интересно отметить следующее.

В письме от 5 июня 1916 г. Николай пишет: «Несколько дней тому назад мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия немного южнее. Но прошу тебя никому об этом не говорить, даже нашему Другу. Никто не должен об этом знать. Даже войска, расположенные на севере, продолжают думать, что они скоро пойдут в наступление, — и это поддерживает их дух». («Переписка», т. IV, стр. 240 — 241.)

Как мы указывали в тексте, эта мысль — не наступать на севере — была высказана впервые самим Распутиным: об этом А. Ф. сообщала Николаю накануне, 4 июня.

К стр. 178. В связи с затронутым здесь вопросом о Распутине и германском шпионаже, отметим, что в декабре 1924 г. в одной из американских газет известный охранник, жандармский генерал Комиссаров, поместил сообщение относительно обстоятельств, при которых погиб английский фельдмаршал Китченер. Это сообщение, перепечатанное в различных европейских газетах, проникло и в советскую печать (см., наприм., «Красную Газету», от 17 декабря 1924 г., № 288).

Сообщение Комиссарова заключается вот в чем.

Как известно, Китченер погиб (24 мая 1916 г. ст. ст.) в то время, когда он на крейсере «Гемпшир» направлялся из Англии в Россию; этот крейсер, на высоте Оркнейских островов, был взорван германской подводной лодкой. Отъезд Китченера в Россию, — как передает Комиссаров (и как, конечно, это и было), — держался в такой тайне, что даже командир крейсера «Гемпшир» только по выходе в море узнал, куда должен быть направляем корабль (место назначения было указано в запечатанном конверте, который должен был быть вскрытым только по выходе в море). Однако, по словам Комиссарова, германцы знали о путешествии Китченера и послали, куда нужно, подводные лодки, которыми крейсер и был потоплен. Согласно показанию Комиссарова, германцы были об этом осведомлены неким «Шведовым» (псевдоним), который известие о путешествии Китченера получил в России, выехал затем в Стокгольм и сообщил об этом тамошнему германскому посланнику фон-Людиусу. Потом «Шведов» возвратился в Петроград, где его роль была уже

раскрыта. «Шведов», — по словам Комиссарова, — был арестован, предан военному суду и повешен. В предательстве Китченера Комиссаров обвиняет, прежде всего, Распутина, А. Ф. Романову и Вырубову.

Таково свидетельство Комиссарова. Отметим, прежде всего, что он, конечно, мог все это дело знать из первоисточника, так как стоял в самом центре среди тех лиц, которые ведали подобными делами (хотя, впрочем, непосредственно в это время он был градоначальником в Ростове-на-Дону); в частности, перед интересующим нас временем (1916 г.) на Комиссарове лежало наблюдение за Распутиным, при чем по этой должности Комиссаров вошел в большое доверие последнего.

Прибавим к этому, что фон-Людиус, которому, — как пишет Комиссаров, — было сообщено о поездке Китченера, был главным руководителем германского шпионажа в России, и, таким образом, указание этой фамилии Комиссаровым служит одним из признаков достоверности его рассказа.

Надо также отметить, что свои воспоминания Комиссаров предполагал писать еще сразу после революции (см. показания Комиссарова в Следств. комиссии), и появившиеся теперь сообщения являются, повидимому, частичным осуществлением этого плана (свои воспоминания Комиссаров, как видно из его показаний, собирался писать совместно с В. Л. Бурдевым).

Это все придает некоторые признаки достоверности сообщению Комиссарова, — и тем более, что Распутин, как мы отмечали, был обрадован смертью Китченера: он признал: «хорошо, что Китченер погиб» (см. здесь, стр. 59).

Но, вместе с тем, есть обстоятельство, которое подрывает точность приведенного сообщения. Это обстоятельство заключается в следующем.

В одном из писем А. Ф. Романовой к Николаю (от 13 апреля 1915 г.) есть такое место: «Представь себе, в лазарете Ольги Орловой был молодой человек, Шведов, с георгиевским крестом (немного подозрительно, как мог вольноопределяющийся получить офицерский крест), мне он сказал, что никогда вольноопределяющимся не был, — совсем мальчик на вид. Когда он уехал, в его столе нашли немедкий шифр, — а теперь я узнаю, что его повесили как шпиона. Это ужасно, а он просил наших фотографий с подписями — я помню. Как можно было запутать такого мальчика». («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 167.)

Несомненно, в этих строках речь идет о том самом «Шведове», о котором говорит и Комиссаров, но письмо А. Ф. относится к 13 апреля 1915 г., тогда как гибель Китченера, которую связывает Комиссаров со шпионажем «Шведова», произошла 14 мая 1916 г. Таким образом, судя по письму А. Ф., в это время «Шведов» уже не мог сыграть своей шпионской роли. Это, конечно, очень заподозревает правильность показания Комиссарова. Но так как в данном случае это лицо «весьма авторитетное», и, по всем другим подробностям, показание носит признаки достоверности, то нам представляется, что могут быть и другие объяснения расхождения упоминаний о «Шведове» А. Ф. Романовой и Комиссарова: во-первых, Комиссаров мог перепутать фамилию и смешать «Шведова» с каким-либо другим лицом, донесшим о поездке Китченера, а, во-вторых, слова А. Ф. о «Шведове» сами по себе тоже очень подозрительны. Действительно: шпион, посылаемый германцами в резиденцию русского царя, за б ы в а е т в столе лазарета шифр... Это мало

вероятно. А. Ф. сообщает по слухам: «Шведов» шпион и повешен. Первое подтверждается словами Комиссарова, — но был ли действительно «Шведов» повешен в 1915 г., или это только «слух» (быть может, и придуманный для успокоения Николая — шпиона повесили и делу конец)? Если же это только «слух», то «Шведов» мог отлично укрыться и в 1916 г. Выполнить то, о чем сообщает Комиссаров.

От Антанты — к Германии.

К стр. 207. В связи с вопросом о том, в какой степени для интересующей нас банковско-промышленной группы была вообще выгодна война, мы, прежде всего, хотим обратить внимание на то, что в печати не раз нам приходилось встречать, как, для характеристики размеров военных прибылей, приводятся сравнительные цифры стоимости акций тех или иных промышленных предприятий в довоенные годы и в период войны; таким же путем иногда сравнивались довоенные и военные цифры прибыли отдельных предприятий, или же размеры выданного по акциям дивиденда. Однако, при таком способе сравнения, обычно оставлялся без внимания самый важный пункт, а именно факт постепенного обесценения рубля, что и было главной причиной повышения курсов всех тех дивидендных бумаг, на которые был спрос, и задержкой падения тех, на которые спроса не было. Эту причину иметь в виду необходимо, иначе все сравнительные цифры не дадут никаких данных для характеристики вопроса о выгоде войны, как для промышленности в целом, так и для отдельных ее групп. Правда, учет означенного обстоятельства, хотя и совершенно необходим, но чрезвычайно сложен, и едва ли даже возможно (по крайней мере в данное время) притти здесь к вполне правильному решению. Но, во всяком случае, даже сравнение биржевых котировок может дать некоторую почву для соображений по этому вопросу.

Для этого приводим прежде всего некоторые цифры, характеризующие довоенную котировку акций главнейших русских коммерческих банков и последовательные изменения ее за время войны.

Цифры эти таковы:

Банки.	Средняя биржевая цена 1913 г.	Июль 1914 г.	Август 1915 г.	Февраль 1916 г.	Июль 1916 г.	Декабрь 1916 г.	Февраль 1917 г.
Азовско-Донской	601	547	750	483	600	697	950
Волжско-Камский	885	845	740	865	970	1 237	1 550
Международный	507	436	302	334	458	548	900
Торгово-Промышл.	343	309	218	267	300	403	680
Русск. для Внешн. торг.	386	366	290	332	430	462	970
Русско-Азиатский	289	249	164	235	268	380	775
Русско-Французский	—	—	—	—	250	250	575
Сибирский	578	555	480	535	634	800	900
Соединенный	284	250	150	173	225	347	540
Учетно-Ссудный	477	—	354	350	480	628	950

Цифры для 1913 г. приведены нами по «Статистическому Ежегоднику на 1914 год», под ред. В. И. Шарого, стр. 491—493. Цифры для 1914—1917 гг. основаны на просмотре биржевых котировок в «Финансовой Газете» (за 1915 г. здесь имеются только котировки, относящиеся к 8 августа). Указываем здесь точные даты, к которым относятся приведенные котировки: 1914 г. — 2 июля, 1915 г. — 8 августа, 1916 г. — 3 февраля, 2 июля 3 декабря; 1917 г. — 24 февраля.

Располагая за 1914, 1916 и 1917 гг. данными о котировке акций за каждый месяц (а не только теми цифрами, которые здесь приведены), мы можем, между прочим, установить, когда именно достигали довоенной цифры котировки тех или иных акций. Так, первый из банков, акции которого достигли довоенной котировки, был Волжско-Камский, но и его акции достигли до этого только к февралю 1916 г.; затем к июлю достигли довоенной цифры акции Сибирского, Русского для Внешней торговли, Азовско-Донского и Учетно-Ссудного банков, к августу — Торгово-Промышленного и Русско-Азиатского банков, только к сентябрю — Международного Коммерческого банка и, наконец, к декабрю — Соединенного банка.

Таким образом, только во второй половине 1916 г. большинство банковских акций вернулись к размеру довоенных котировок; но в это время рубль был уже в очень значительной степени обесценен, и, вследствие этого, эти биржевые цены 1916 г. были только номинальными; действительная стоимость акций была значительно ниже.

Точно так же, наблюдая процесс изменения биржевых цен на металлургические акции, мы видим, что все эти акции, испытав чрезвычайное понижение в начале войны, в течение очень долгого срока не могли вернуть себе даже той стоимости, какую они имели в мирное время. Хотя акции, в большинстве случаев, постепенно и повышались, но это повышение было относительное, так как довоенная котировка этих акций была значительно выше; так это было не только в августе-декабре 1914 года, но и в течение всего 1915 г. Из числа акций более чем 20 главнейших металлургических предприятий, котировки которых мы имеем, только акциям трех заводов — «Коломенского», «Сормово» и «Бромлей» — удалось к началу 1916 г. достигнуть той цифры, в которой они котировались до войны.

В первые пять месяцев 1916 г. достигли довоенной цифры котировки акции только трех заводов: «Кольчугин» (в феврале), «Богословский» (апрель), «Парвизинен» (май). Акции большей части других металлургических предприятий достигли довоенной цифры только в июне, июле и августе 1916 г.

Пока мы говорим о возвращении акций к их довоенной котировке, для нас не имеет особого значения вопрос о том, в какой именно степени понизилась к этому времени стоимость самого рубля: ясно, что рубль обесценился, и что, вследствие этого, все эти акции, хотя и вернулись к довоенным цифрам, но только относительно, — абсолютно же они также все это время оставались обесцененными по сравнению с довоенным периодом. И так, как мы показывали, было для большинства акций до середины 1916 г., то-есть в течение двух лет войны.

Что касается размеров обесценения русского рубля, то об этом можно было судить по его последовательной оценке по сравнению с устойчивой международной денежной единицей, т.-е. с американским долларом. До

войны курс рубля на американской бирже стоял весьма близко к паритету (паритет рубля составлял 51,45 долл. за 100 р.) и колебался в пределах $51\frac{3}{4}$ — $51\frac{1}{4}$. К январю 1915 г. стоимость 100 русских рублей пала на американской бирже уже до 43 долл., а в январе 1916 г. составляла всего 30 долларов. С февраля 1916 г. рубль на американской бирже сначала стал несколько повышаться, затем падать по сравнению с этим повышением (с мая), затем снова повысился (в августе) и, в конце концов, к декабрю 1916 г. 100 русских рублей стоили на американской бирже 30,75. (Сведения о стоимости русского рубля на американской бирже берем из «Русско-Американского Торгового журнала» 1917 г., № 7.) Таким образом, мы видим, что, испытав в течение года некоторое повышение и понижение (не ниже 30 долл. за 100 р.), рубль к концу года оценивался почти в ту же цифру (даже немного более), чем в начале года (именно 30,75 долл. за 100 руб.).

Но сравнительная оценка русской валюты в долларах является только теоретической, так как эти цифры показали бы лишь оценку международного рынка, а не действительную стоимость рубля. С. А. Фалькнер, специально обследовавший вопрос об обесценении русской бумажно-денежной валюты, говорит, что способ определения ценности бумажных денег путем международного курса национальной валюты «явно непригоден, потому что в условиях отсутствия нормального и свободного международного обмена интервалютный курс превращается в отражение лишь того узкого потока товарного и кредитного обращения, контрабандного по преимуществу, который на деле еще течет, несмотря на все преграды. Интервалютный курс становится в этих случаях весьма податливым влияниям различных спекулятивных операций, с одной стороны, и грядущего развития — с другой». («Денежное обращение и кредит в России и за границей». Том I. 1914—1921 гг. Труды секции по вопросам денежного обращения и кредита Института Экономических Исследований Н. К. Ф. 1922 г., статья С. А. Фалькнера «Обращение русской бумажно-денежной валюты», стр. 30.)

Поэтому, для периода империалистической войны, наиболее существенным показателем объективной стоимости бумажных денег в народно-хозяйственном обращении является движение товарных цен (там же стр. 29—30).

По данным Фалькнера, стоимость суточной прожиточной нормы равнялась до войны (в 1913 г.) 0 р. 23 к. В 1916 г. эта стоимость определялась так: в январе—0,323, апреле—0,346, июле—0,421, октябре—0,516; в 1917 г.: в январе—0,625, в апреле—0,762. Коэффициент возрастания стоимости по сравнению с 1913 г.—1,00, был в 1916 г.: в янв.—1,42, апр.—1,52, июль—1,85, окт.—2,27; 1917 г., янв.—2,75, апрель—3,36 (там же, стр. 42).

Однако, было бы, конечно, неправильно, приняв такой коэффициент, просто применить его к цифрам стоимости акций для определения размеров их обесценения; колебание котировок акций зависело, понятно, от многих сложных причин. Тем не менее и этот коэффициент может служить одной из вех на пути к более правильному решению этого вопроса.

Во всяком случае, приведя все эти данные, мы не имеем никаких оснований думать, чтобы во второй половине 1916 г. и в январе—феврале 1917 г. создались какие-либо такие причины, которые давали бы право заключить, что, при наблюдавшемся за это время относительном повышении котировок акций, они достигли хотя бы той абсолютной стоимости, каковую

они имели до войны. На этой почве, как мы думаем, и можно найти мотивы для объяснения «пацифизма» данной промышленно-банковской группы.

К стр. 207. Мы отметили в тексте, что близ государственного аппарата стояла очень небольшая банковская группа, влиявшая на правительственную политику: эту группу может, между прочим, характеризовать и тот состав акционеров предприятий, финансировавших «Русскую Волю», который приведен выше в приложениях; как можно видеть из этих перечней, в них повторяются всё одни и те же имена.

К этому нужно прибавить, что для того, чтобы руководящей группе распоряжаться множеством акционерных обществ и обеспечить себе, при помощи этого, и крупное политическое влияние, не было даже надобности располагать большинством акций того или другого предприятия. По словам Гильфердинга, та сумма капитала, которая «достаточна для господства над акционерным обществом», на практике составляет «всего от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ капитала, и даже ниже» (Гильфердинг. «Финансовый капитал», 1924 г., стр. 123). Прибавим к этому также то, на что обращает внимание В. И. Ленин: он указывает, что, если «обладания 50% капитала всегда бывает достаточно для контроля над акционерным обществом, то руководителю надо обладать лишь одним миллионом, чтобы иметь возможность контролировать восемь миллионов у «обществ — внуков», а если этот «переплет» идет дальше, то с одним миллионом можно «контролировать» 16 милл., 32 милл. и т. д.» (В. И. Ленин говорит об этом со слов немецкого экономиста Геймана — см. «Империализм, как новейший этап капитализма», изд. 3, стр. 35 — 36).

Применяя эти указания к русской практике, мы можем видеть, что в сем Международным банком, который, как мы видели, стоял в центре многих отраслей русской промышленности, мог распоряжаться чуть ли не один Манус с кучкой своих «сотрудников»: это видно уже из того, что, например, в 1917 г. один Манус представил более трети всего того числа акций, которое было предъявлено на общем собрании акционеров (см. здесь, стр. 148), но, кроме того, он, конечно, располагал и акциями всех акционеров, принадлежавших к его группе.

Приведенные нами здесь, в приложениях, данные наглядно, таким образом, показывают, что представляла собой та руководящая банковская группа, которая влияла на правительственную политику вообще, и, в частности, на вопросы о мире и войне.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.¹

- Алексеев, М. В., ген., начальник штаба верх. главноком. — 20, 30—32, 73, 86, 118—120, 163, 167—169, 172—176, 181, 190, 191, 209, 210, 236.
- Альберти, герм. офид. — 223.
- Андроников, М. М., кн. — 89, 137, 177, 181.
- Ашберг, стокгольмский банкир — 38, 39, 41, 43, 134.
- Бадмаев, П. А., «тибетский врач» — 43, 151, 152, 154, 172.
- Базилевский, московск. губ. предвод. двор. — 38.
- Барк, П. Л., м-р финансов — 38, 88, 89, 93, 112—116, 127, 132, 161.
- Батюшин, ген., предс. комиссии по расследованию деятельности банков — 120, 129.
- Беледкий, С. П., директ. департамента полиции, тов. мин. внутр. д. — 34, 42, 90, 101, 105—107, 109—111, 114—116, 120, 122, 124—126, 128, 135, 151, 175, 177, 199.
- Беляев, М. А., ген., военн. м-р — 38.
- Бенедикт XV, папа римский — 29.
- Бенкендорф, А. К., гр., русский посол в Лондоне — 221, 229.
- Бенкендорф, Д. А., чл. сов. Русск. для Внeshн. торг. б. — 35.
- Бентгейм, кн. — 36.
- Бермондт-Авилов — 200.
- Бетман-Гольвег, герм. канцлер — 53, 54, 231.
- Бисмарк — 17.
- Блох, Г. А., чл. правл. Междун. б. — 156, 233, 234, 241.
- Бобринский, А. А., гр., мин-р земледелия — 195, 197, 199.
- Бонч-Бруевич, ген. — 30.
- Брусилов, А. А., ген., главноком. юго-зап. фронтом — 165, 168, 170, 171, 173.
- Бубликов, чл. Гос. Д. — 41.
- Бурдуков, Н. Ф., шталмейстер (доверенное лицо Мануса) — 135 — 140, 235.
- Бьюкенен, англ. посол в России — 70, 218, 224 — 226.
- Бюбиль, герм. офицер — 17, 223.
- Варбург, герм. банкир — 39—44, 46, 52, 59, 134, 138, 158, 212, 226.
- Васильчиков, Б. А., кн., чл. Гос. С. — 24.
- Васильчиков, С. И., кн., ген.-адъют. — 23.
- Васильчикова, М. А., фрейлина — 5, 11, 14, 17, 23, 25, 27, 28, 30—38, 42, 50, 59, 65, 95, 164, 184, 221—225.
- Васильчикова, М. Н., кн. — 23.
- Васильчикова, С. Н., кн. — 24.
- Вебер, А. И., директ. Междун. б. — 148.
- Вейнштейн, промышленник, чл. Гос. С. — 202.
- Венизелос, греческий политич. деятель — 221.
- Вильгельм II, герм. император — 15, 19, 20, 24, 25, 32, 37, 44, 204.

¹ В этот указатель вошли имена деятелей старого режима и тех лиц, с которыми они соприкасались. Из числа имен акционеров банков и разных других предприятий, упоминаемых (петитом) на стр. 147—148, а также в перечнях на стр. 232—235 (в приложениях), в указатель включены только те, которые встречаются в основном тексте книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловие	3
Романовы и сепаратный мир	9
Поворотный этап царской политики	72
Банки и Распутин	103
Распутин и верховное командование	163
От Антанты — к Германии	183
Приложения	221
Указатель имен	242

286.05

